

Я незаметно заснул в кресле. Наверное, я уже давненько не ездил на дальние расстояния. Хотя мы и ехали по скоростной трассе, автобус всё равно время от времени покачивало, но спалось мне на удивление сладко и крепко.

Когда я открыл глаза, мы уже прибыли на место. Потоком людей меня вынесло из автобуса, и в глаза бросился одновременно знакомый и чужой город. Знакомый — потому что здесь моя родина, место, где меня вырастили и выходили, а чужой — потому что возвращаться сюда удается всего два-три раза в год, и только на Новый год получается остаться подольше.

Все говорят, что покинуть родные места тяжело. Говорить-то легко, но людей к этому толкает нужда. Мой родной город — всего лишь небольшой населенный пункт, где мало рабочих мест и низкие доходы. Приходится покидать родной дом и ехать на заработки в чужие края от безысходности. Наверное, у большинства людей судьба похожа на мою...

Поскольку мой дом находится в пригороде, после выхода из автобуса мне пришлось брать такси. После недолгих торгов с водителем мы сошлись на тридцати юанях. И это еще не праздники, иначе пришлось бы платить по самому высокому тарифу. В конце концов, я сам из рабочего класса, так что торговаться — дело привычное.

Ближе к маю поля заполняются людьми, хлопчущими о посевной. Тут и там разносится грохот крупных машин — крестьяне спешат засеять землю до того, как начнутся дожди. Мои родные края — полугорная местность, горы сплошь покрыты соснами. Если глянуть вдаль, всё уже пестрит зеленью, чувствуется близкое дыхание лета. У нас в основном сажают кукурузу: закинул семена в землю, обработал химикатами, и дальше можно практически не заглядывать, останется только ждать осеннего урожая. Так что сейчас в деревне царит довольно беззаботная пора.

За этими мыслями я и не заметил, как мы почти приехали. Издалека сквозь окно машины я увидел родителей, стоявших у обочины в ожидании меня. Каждый раз в такие минуты на сердце становится необъяснимо тяжело: им уже по пятьдесят, а они всё еще переживают из-за сына. Наверное, это и есть то самое материнское беспокойство о ребенке, уехавшем за тысячу ли!

Машина плавно остановилась у обочины. Я вышел и подошел к родителям. Глядя на их поседевшие виски и постаревшие лица, я почувствовал, как внутри всё сжимается. Им уже за семьдесят, а они всё равно пришли встречать меня. Пройдя через ворота во двор, я увидел всё тот же небольшой клочок земли, засаженный разнообразной овощной рассадой. Пусть посадили ее недавно, от нее веяло такой живительной силой, будто она безмолвно кричала: я снова ожила!

Наш дом — это обычный для деревни кирпичный балаган о трех комнатах. Его построили уже больше десятка лет назад, но снаружи он по-прежнему выглядит как новый. Родители у меня чистюли, и за те годы, что меня не было дома, они содержали всё в идеальном порядке и чистоте.

Едва я вошел в дом, как на обеденном столе уже красовались готовые блюда — мои самые любимые пельмени. Родители знают, что сам я в чужих краях лепить их не умею, поэтому каждый раз, когда я возвращаюсь, они обязательно их готовят. И я их просто обожаю!

Во время еды мама с улыбкой спросила меня: «Сынок, с чего это ты вдруг решил приехать? Ведь ни праздников, ни выходных...» Обычно я приезжал строго к календарным датам. Я не осмелился сказать им, что вернулся из-за увиденного во сне и захотел просто так навестить их, поэтому соврал, что на работе выдалось не так много дел, вот я и заглянул домой. После обеда я достал накопившиеся за последние несколько месяцев десять тысяч юаней и отдал матери. Такие моменты всегда наполняют меня гордостью, ведь это доказывает, что я действительно зарабатывал деньги на чужбине, а не тратил время попусту.

Пусть сумма и небольшая, но это знак моего внимания и доказательство того, что сын не занимался ерундой. Было заметно, что родители очень обрадовались. Они расспросили меня о работе, о том, как я питаюсь и где живу. По старой доброй традиции я рассказывал только о хорошем, а о неприятностях умалчивал — боялся их расстроить. Говорил исключительно о приятном, а всё то, что тревожит душу, оставлял при себе. Да и где на чужбине найдешь столько поводов для радости? Где люди — там и мир людей, там и споры. Не хотелось говорить об этом слишком много: с одной стороны, берег родителей от лишних волнений, с другой — чувствовал, что в этом нет нужды. В конце концов, мне уже перевалило за пятьдесят, на многое я стал смотреть проще. Привык, и ладно...

Вечером я сидел с родителями, смотрел телевизор и болтал обо всём подряд. Из-за вечной нехватки времени на общение с ними я каждый раз по возвращении почти не выпускаю из рук телефон — времени побыть с родителями и так остаётся слишком мало, не хочется терять ни секунды. Мне нужно, чтобы они чувствовали: я по-прежнему помню о них и очень люблю. Но один разговор с мамой в тот вечер всё-таки затронул меня до глубины души. Мама сказала: «Твоей третьей тетушки больше нет, а ее муж отправился в дом престарелых». Услышав это, я остолбенел...

И дело было вовсе не в том, что родители не сообщили мне вовремя о смерти тетушки, а в том, как дети тетушкиного мужа — сын и дочь — могли отправить отца в богадельню? Этого я никак не мог взять в толк.

Мама продолжила: «Потому что у детей уже свои семьи, свои дети и работа, у них нет времени за ним ухаживать. Но я считаю, что это не оправдание. Заботиться о родителях — это долг детей». Мама добавила, что в доме престарелых у мужа тетушки есть знакомые, с которыми можно поболтать, так что ему не будет слишком одиноко, да и дети станут навещать его время от времени. Вот только выходить оттуда просто так нельзя, боятся ЧП, разрешают гулять только во дворе! Каким бы хорошим ни был дом престарелых, это всё же не родной дом!

В глазах и словах родителей мелькнуло какое-то колебание. Наверное, они подсознательно чувствовали, что сегодняшний день мужа тетушки — это их завтрашний день. Услышав это, я посмотрел на них твердым взглядом и решительно произнес: «Папа, мама, не переживайте. Что бы ни случилось, я сам досмотрю вас до старости и ни за что не отправлю в дом престарелых!»

Мама с некоторым неверием в голосе спросила: «А когда мы с твоим отцом совсем слежем, неужели сможешь ухаживать?» Я твердо ответил: «Будьте уверены, даже если придется бросить работу, я все равно вернусь и буду ухаживать за вами обоими».

В глубине души у меня уже давно созрел план. Поскольку я не женат, о содержании семьи и речи не идет — один сыт, и ладно. Родители — моя единственная забота в этой жизни. Обеспечить им старость — вот моя задача, а на себя самого мне наплевать. Кто-то, пожалуй, сочтет это крайностью, но такокова суровая реальность. А что еще остается делать?

О будущем подумаем в будущем, а сейчас главное — чтобы родители были здоровы и ни о чем не тревожились. Вот чем я должен заниматься.

Спать на сельском кане — поистине невероятное блаженство. Когда ложишься на него, по всему телу от груди до кончиков пальцев разливается мягкое тепло. Совсем не то что спать на электрическом матрасе, от которого потом жжение внутри и носом кровь идет. На таком даже боль в пояснице пройдет. Выспался я на славу, и даже ничто не снилось.

Меня разбудил утренний скрип открывающейся двери. Я заглянул в телефон — уже перевалило за шесть. У родителей привычка ложиться и вставать рано, они уже встали и хлопчут на кухне. Я сладко потянулся, закурил сигарету и огляделся. В доме всё осталось точно таким же, каким было при моем отъезде. Пусть обстановка простая, без избытка мебели и бытовой техники, но кругом царит такая чистота, что смотреть приятно. Родителям уже за семьдесят, а они все домашние дела по-прежнему делают сами. Сердце обливается кровью от жалости, но поделать ничего нельзя. Найти им невестку? Об этом можно только помечтать! В моем возрасте о таком уже как-то боязно думать...

Среди этих праздных мыслей отец открыл дверь и заглянул внутрь:

— Проснулся?

— Угу, — отозвался я.

— Выспался? На новом месте непривычно, наверное?

— Привычно! Это же мой настоящий дом! — улыбнувшись, ответил я.

Отец отдернул занавески, и в комнату хлынул теплый солнечный свет. Мгновенно прогнав темноту, он подарил долгожданное ощущение яркого света и тепла, и всё вокруг сразу посвежело и преобразилось.

Мы позавтракали, и я как раз сидел с родителями за разговором, как вдруг зазвонил телефон. Я машинально взял его в руки — на экране высветился незнакомый номер. Местный, но чей именно — непонятно.